

БИОГРАФИЯ

ГОЛОСА

ЗВЕЗДЫ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
СЦЕНЫ

У ВЛАДИМИРА Атлантова — молодого солиста Театра имени С. М. Кирова — немало слагаемых счастья: слава, конкурсные награды, новые роли, концертные путешествия... И все же он испытывает постоянную потребность поисков «певческой истины». Двадцатисемилетний певец, не доверяя успеху, ищет опору в обсуждениях, советах.

В январе шла подготовка «Пиковой дамы» Чайковского. Она называлась скромным словом «возобновление» (ведь впервые опера была поставлена на сцене Мариинского театра 7 декабря 1890 года), но, в сущности, это была премьера; музыкальной частью спектакля руководил Константин Симеонов — новый для Кировского театра дирижер. Его глубокая интерпретация оперного творчества Чайковского общезвестна.

Атлантов работал над партией Германа самозабвенно, пробуя каждую фразу сотни раз, вчитываясь в пушкинский текст, мучаясь, веря себе и не веря. Он понимал, насколько серьезен этот творческий экзамен после недавнего Третьего конкурса имени Чайковского, на котором его отметили первой премией.

Это была изнурительная работа, интеллектуальная прежде всего: я наблюдала, как каждый день напряженной творческой жизни открывал для опытного певца, быть может, и очевидные, но для Атлантова новые, важнейшие истины. После репетиций он восторженно и взволнованно говорил о том, что казалось ему главным в искусстве певца:

— Главное, чтобы пение доходило до сердца слушателя. Главное: жить и расти в атмосфере песни. Чтобы без пения жизни себе не представлять. Чтобы пение было не уроком, не профессией, а такой же неотъемлемой потребностью, как дыхание. Для меня пение — не только профессия. Я пою, сколько себя помню, хотя долго у меня и голоса-то не обнаруживали. Никогда не пойму людей, которые могут существовать без пения.

Одержимость пением. Невозможность существовать без пения! В этом «ключ» стремительных, для многих неожиданных, достижений певца.

Помню эпизод — шестилетней давности.

Экзамен на вокальном факультете Ленинградской консерватории. Робкое трафаретное исполнение третьекурсника Атлантова. Безапелляционный вывод комиссии: оставить условно на один год обучения. Профессиональная пригодность сомнительна.

Никто не угадывает перспектив, не ожидает сдвигов. Только сам Атлантов внутренне убежден в том, что он должен петь. Должен ценой любых усилий.

На чем основывалось его упорство?

ОН РОДИЛСЯ в семье певцов, в атмосфере музыки и рос так, как растут обычно дети, родители которых заняты работой в театре: его брали на репетиции под надзор театральных сотрудниц, в театре он проводил едва ли не весь день.

Война началась, когда ему минуло два года. Семья оказалась в блокадном Ленинграде. Голодали. И все же родители работали. Ребенка, укутав, возили на саночках в Театр комедии, там тогда пела мать.

Семи лет Володю отдали учиться в школу при Ленинградской академической капелле. Голоса у него тогда не обнаруживалось, просто решили дать ему общее музыкальное образование. И это было лучшее, что можно было бы желать будущему певцу. Обучение не ограничивалось игрой на одном инструменте: он играл на скрипке, фортепьяно, виолончели, занимался сольфеджио, гармонией, слушал концерты. Поступил в Консерваторию на дирижерско-хоровой факультет, чтобы стать дирижером хора, но самому страстно хотелось петь. Занятия пением, начатые в училище и потом продолженные в Консерватории, результатов не давали. Что-то ему мешало; казалось, он пел чужим, не своим голосом. Угроза отчисления из вуза заставила сделать отчаянный шаг.

Он стал сам «искать свой голос». Пробовал приемы. Слушал пластинки — записи великих певцов. Год не посещал консерваторский вокальный класс. Подготовил экзаменационную программу самостоятельно и появился перед комиссией, которая должна была решить его судьбу.

Атлантова не отчислили из Консерватории.

Но это еще не было началом прямой, ровной дороги. Снова, как бывает после резкого подъема, наступил спад, кризис. И вновь он преодолевал новые рубежи, мучительно и упорно. Следуя своей творческой интуиции, Владимир делал шаги, вызывавшие удивление и даже порицание, но именно они-то в конце концов приносили пользу.

Театр имени С. М. Кирова набирал группу стажеров. Кто в Консерватории не мечтал о таком начале оперной карьеры?

Атлантов выдержал конкурс и... спустя год, ушел из театра. Ушел потому, что не находил в театре интересной работы, а балластом быть не хотел.

Успеха певец добился на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки. Занял второе место (первую премию среди мужчин не присудили). Запел «во весь голос», без оглядки. И неожиданно для себя вскоре попал в группу молодых певцов, направленных для совершенствования в Италию, в знаменитый миланский театр «Ла Скала». На целых два года, вернее, два оперных сезона.

Издавна Италия — страна классического пения — «поставляла» замечательных вокалистов; русские певцы ездили совершенствоваться в Италию еще со времен основателя отечественной оперы М. И. Глинки — он специально изучал итальянский вокал.

Вот как Атлантов рассказывает об уроках в Италии.

— Ошибочно ожидать, что каждый, кто отправится в Италию, вернется оттуда великолепным певцом. Одному эта школа может подойти, другому нет. Отчего это зависит, судить не берусь. Знаю только, что мне итальянская педагогика очень подошла. Собственно, педагог не говорил принципиально ничего нового по сравнению с тем, что я слышал в Консерватории. Но как он показывал! Чувствовался певец, знающий о пении все, что можно знать, и умеющий все, что можно уметь.

В период обучения Атлантов участвовал в гастролях Большого театра Союза ССР в Милане. Это дало ему возможность проверить результаты двухлетней работы.

Понемногу обреталась певческая самостоятельность. Возвратившись на Родину, Атлантов принял приглашение войти в состав солистов Театра имени С. М. Кирова, где незадолго до того не удалась его стажировка.

КАЗАЛОСЬ, он причалл к спокойной творческой пристани. Но не хотел задерживаться на достигнутом. Когда был объявлен очередной конкурс имени Чайковского, он решил готовить программу.

Успех на конкурсе сразу расширил возможности работы. Посыпались предложения выступать с концертами. Люди хотели слушать Атлантова, и он пел, пел, иногда чуть ли не еженедельно новые программы, не всегда имея время обдумать их, наслаждаясь успехом, аплодисментами, — ведь он был совсем молод и еще не привык к творческим радостям, не привык рассчитывать свои силы. Конечно, пение в концертах обогатило его навыки, научило больше ценить слово, жест, мимику. Но теперь он понял: нужно ограничить камерные выступления. Это слишком серьезная область музыки, чтобы допускать торопливость. Это совсем особая область, требующая тонкости, чувства меры, тщательной отделки всех нюансов.

Теперь он не стремится петь много оперных партий, выступать часто. Поет три-четыре раза в месяц. Каждое выступление для него — событие, к которому он специально готовится. Его оперные партии — Ленский, Альфред, Хозе, Альваро и, наконец, Герман в «Пиковой даме». Много нового открыла певцу работа в кино: в экранизированном «Каменном госте» Даргомыжского он решил играть и петь главную роль. Петь-то было сравнительно нетрудно. А вот играть перед кинокамерой! Совсем непривычное состояние, требующее специфической техники. Но зато какая драматическая школа! Каждая ошибка, неточность заметны, ничего нельзя скрыть. И нужно преодолеть условность оперы. То была большая удача — возможность сниматься в кино...

К чему же стремится сейчас Атлантов? Что волнует его, помимо отдельных новых ролей?

Он отвечает, как давно обдуманное:

— Ищу общения с выдающимися актерами, музыкантами, композиторами. Мечтаю встретиться с Иннокентием Смоктуновским, моим любимым драматическим актером. Уверен, что он сможет подсказать интересные психологические, драматические оттенки роли Германа. Хотелось бы спеть для Мстислава Ростроповича и услышать его советы: удивительное у этого мастера виолончели чутье вокальной стихии. Мне кажется, он просто по ошибке не стал певцом.

И еще хочу сказать вот о чем. Я спросил однажды у Николая Гяурова, знаменитого болгарского певца, выступавшего в то время в «Ла Скала»: «Что тебе помогает петь?». Он ответил:

— Здесь я не могу плохо петь. Просто не могу: здесь такая атмосфера, здесь никто плохо не поет...

Обстановка работы важна для каждой профессии. Как сделать, чтобы нам не мешали маленькие страсти, мелкие интересы, обиды, борьба самолюбий? Как изгнать из спектакля обыденность, чтобы каждое выступление было праздником для каждого певца?

В КОНЦЕ января состоялась премьера новой постановки «Пиковой дамы».

Вся труппа — оперная, балетная — находилась в тот вечер в зале. Атмосфера праздника обновляла театр.

Спектакль стал триумфом дирижера Симеонова и певца Атлантова. Изгнав внешние эффекты и ненатуральную театральность, Атлантов приблизился к совершенному воплощению волнующей темы искусства — трагедии надежд. Люди верили такому Герману, с его горячей молодостью, трепетом, мольбой и верой в предопределение судьбы. Видно, много, о чем думал Атлантов, перебродило, воплотилось теперь в конкретном образе, в богатых интонациях голоса.

Давно уже не звучала так в Театре им. С. М. Кирова музыка Чайковского. Вспоминались имена великих певцов, создавших исполнительскую историю партии Германа: М. Медведева, Н. Озерова, Н. Ханаева, Н. Печковского, Г. Нэлеппа.

Спектакль убедил всех: Владимир Атлантов в ближайшем будущем может стать одним из лучших артистов советской оперной сцены.

С. ХЕНТОВА